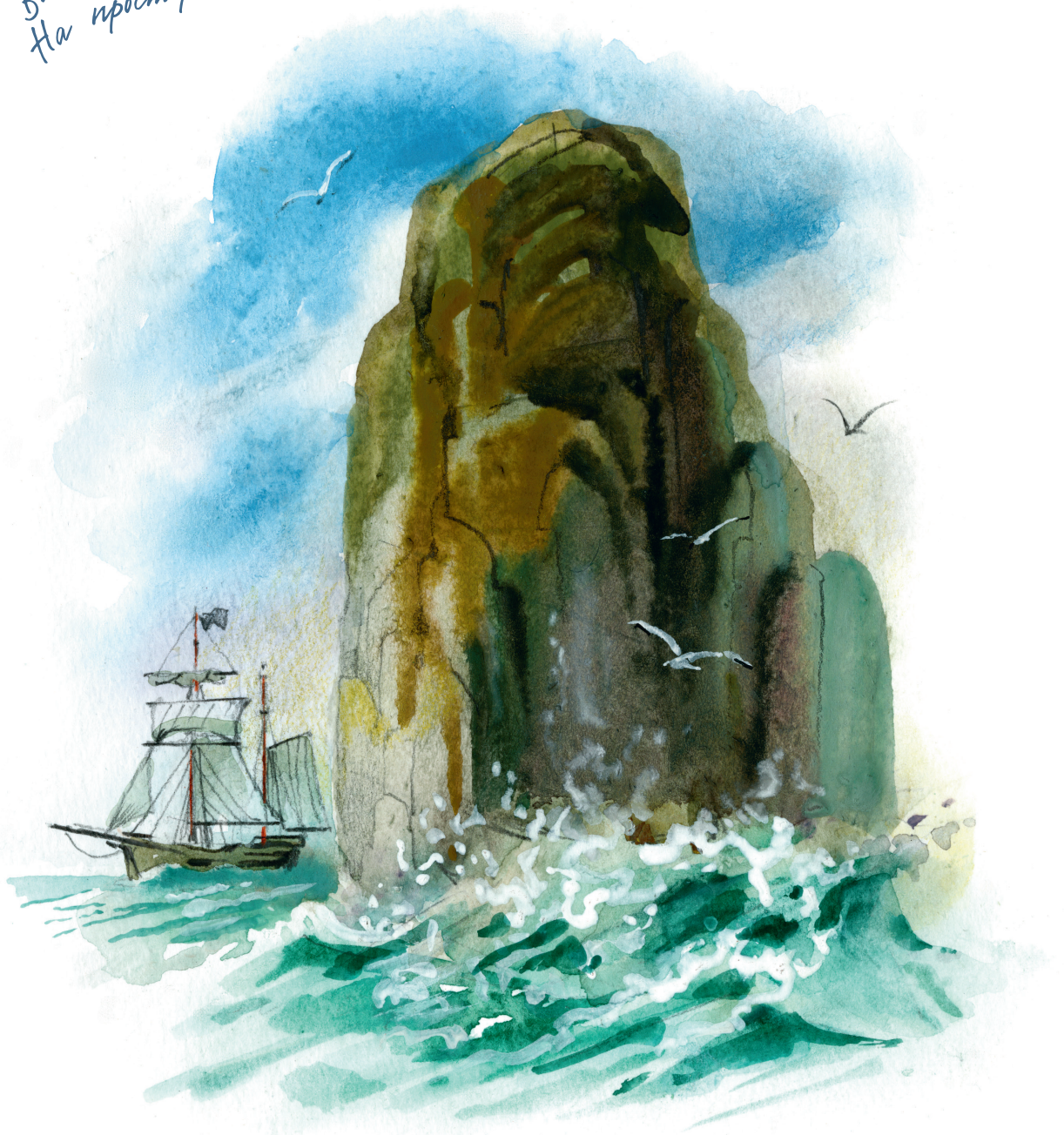

Кто готов судьбу и счастье
С бою брать своей рукой,
Выходи корсаром вольным
На простор волны морской!

ПРЕДИСЛОВИЕ

Надеюсь, читатель извинит меня за то, что я начинаю это предисловие с похвальбы. Дело в том, что эта работа — юбилейная. Её завершением я отмечаю своё сорокалетие, свою пятидесятую книгу, шестнадцать лет своей писательской деятельности и новое направление в своём творчестве. А «Сердца трёх» — это новое направление. До сих пор я, безусловно, не создавал ничего подобного и почти убеждён, что и впредь не создам. И я вовсе не намерен скрывать, что горжусь этой работой. А теперь я советовал бы читателю, который любит стремительное развитие действия, перескочить через всё то бахвальство, что содержится в предисловии, и погрузиться с головой в повествование — пусть он потом попробует сказать мне, что от моей книги легко оторваться.

Для любопытствующих разрешу себе кое-что пояснить. По мере того как кинематограф становился наиболее популярной формой развлечения во всём мире, запас фабул и интриг, накопленный мировой беллетристикой, стал быстро истощаться. Какая-нибудь одна кинокомпания с помощью двух десятков режиссёров способна экранизировать всё литературное наследие Шекспира, Бальзака, Диккенса, Скотта, Золя, Толстого и десятков менее плодовитых писателей. А поскольку на свете сотни кинокомпаний, нетрудно сообразить, как скоро они могут столкнуться с нехваткой сырья, из которого фабрикуют кинокартины.

Право на экранизацию всех романов, рассказов и пьес, издаваемых или подлежащих изданию определёнными издательствами или лицами, уже давно куплено и зафиксировано договорами; если же попадает материал, право собственности на который истекло за давностью лет, то он экранизируется с такой же быстротой, с какой матросы, очутившись на берегу, усеянном золотым песком, набросились бы на самородки.

Тысячи сценаристов — точнее будет сказать, десятки тысяч, ибо нет такого мужчины, женщины или младенца, которые не считали бы себя вполне созревшими для написания сценария, — итак, десятки тысяч сценаристов рыщут по литературе (как охраняемой авторским правом, так и неохраняемой) и хватают журналы чуть ли не из машины в надежде поживиться какой-нибудь новой сценкой, фабулой или историйкой, придуманной их собратьями по перу.

Кстати, справедливость требует отметить, что совсем недавно, в те дни, когда сценаристов ещё не очень уважали, они надрывались в поте лица за пятнадцать-двадцать долларов в неделю, а случалось, что прижимистые директора платили им поштучно: десять-двадцать долларов за сценарий, да ещё в пятидесяти случаях из ста не выдавали сценаристам и тех грошей, которые им причитались; бывало и так, что товар, украденный сценаристами, в свою очередь крали у них не менее бессовестные и беззастенчивые люди, работавшие в штате. Так было только вчера, а сегодня я знаю сценаристов, которые имеют по три машины и по два шофёра, которые посылают своих детей в самые дорогие школы и вообще обладают устойчивой платёжеспособностью.

В значительной мере именно из-за нехватки беллетристического сырья и начали ценить и уважать сценаристов. На них появился спрос, они получили признание, их стали лучше оплачивать, а от них требовать продукцию более высокого качества. Начались новые поиски материала, выразившиеся, в частности, в попытке завербовать известных писателей для работы в качестве сценаристов. Но то, что человек написал двадцать романов, ещё не может служить ручательством, что он способен написать хороший сценарий. Как раз наоборот: очень быстро обнаружилось, что успех в беллетристике — верная гарантия провала на экране.

Но тут на сцене появляются хозяева кинокомпаний. Разделение труда — прежде всего. И вот, связавшись с могущественными газетными объединениями или с отдельными лицами, как это имело место в данном случае — я имею в виду «Сердца трёх», — они заказывают

высококвалифицированным сценаристам (даже ради спасения собственной жизни не сумевшим бы написать роман) сценарий, который романисты (даже ради спасения собственной жизни не сумевшие бы написать сценарий) превращают затем в роман.

Итак, является м-р Чарльз Годдард¹ к некоему Джеку Лондону и говорит ему: «Время действия, место действия и действующие лица определены; кинокомпании, газеты и капитал к нашим услугам; давайте договариваться». И мы договорились. Результат — «Сердца трёх». Ни у кого не может возникнуть и сомнения в искусстве и мастерстве м-ра Годдарда после того, как я перечислю его творения, а перу его принадлежат: «Злоключения Полины», «Приключения Элейн», «Богиня», «Обогащайся, Уоллингфорд» и т. д. Кроме того, имя героини данного романа — Леонсия — тоже им придумано.

Первые несколько эпизодов он написал на своём ранчо в Лунной долине. Но писал он быстрее, чем я, и закончил свои пятнадцать эпизодов на много недель раньше меня. Да не введёт вас в заблуждение слово «эпизод». На первый эпизод ушло три тысячи футов плёнки. А на последующие четырнадцать — по две тысячи футов на каждый. В каждом эпизоде около девяноста сцен, что составляет в общем около тысячи трёхсот сцен. Итак, мы работали параллельно, каждый над своим куском. Когда я писал какую-то главу, я, естественно, не мог принимать в расчёт того, что происходит в следующей или через двенадцать глав, так как я этого не знал. Не знал этого и м-р Годдард. Отсюда неизбежные последствия: нельзя сказать, чтобы повествование в «Сердцах трёх» отличалось особой последовательностью, хотя оно, безусловно, не лишено логики.

Представьте себе моё изумление, когда я, будучи на Гавайях, вдруг получаю от м-ра Годдарда по почте из Нью-Йорка сценарий четырнадцатого эпизода (я же в то время только ещё трудился над

¹ Годдард Чарльз — известный американский сценарист, соавтор Лондона — они вместе написали «Сердца трёх».

литературной обработкой десятого эпизода) и вижу, что мой герой женат совсем не на той женщине! И в нашем распоряжении всего только один эпизод, когда можно избавиться от неё и связать моего героя узами законного брака с единственной женщиной, на которой он может и должен жениться. Как это сделано — прошу посмотреть в последней главе, или пятнадцатом эпизоде. Можете не сомневаться, что м-р Годдард надоумил меня, как это сделать.

Дело в том, что м-р Годдард — мастер по части развития действия и гений по части быстроты. Развитие действия нимало не волнует его. «Изобразить», — спокойно указывает он в авторской ремарке киноактёру. Очевидно, актёр «изображает», ибо м-р Годдард тут же начинает нагромождать одно действие на другое. «Изобразить горе!» — приказывает он, или «печаль», или «гнев», или «искреннее сочувствие», или «желание убить», или «стремление покончить жизнь самоубийством». Вот и всё. Так и должно быть — иначе когда же он завершил бы работу и написал свои тысячу триста сцен?

Но можете себе представить, каково пришлось мне, несчастному, который не мог ограничиться волшебным словом «изобразить», а должен был описать — и притом весьма подробно — все те настроения и положения, которые одним росчерком пера наметил м-р Годдард! Чёрт побери! Диккенсу не казалось чрезмерным излишеством потратить тысячу слов на описание и возможно более тонкую обрисовку горестных переживаний того или иного из своих героев. А вот м-р Годдард говорит: «Изобразить», и рабы киноаппарата делают всё, что нужно.

А развитие действия! В своё время я написал не один приключенческий роман, но во всех них, вместе взятых, вы не найдёте столь стремительного развития действия, как в «Сердцах трёх».

Зато теперь я знаю, почему так популярен кинематограф. Я теперь знаю, почему «Г-да Барнес из Нью-Йорка» и «Техасский горшечник» разошлись в миллионах экземпляров. Я теперь знаю, почему какая-нибудь напыщенная агитационная речь может привлечь куда больше голосов,

чем самый прекрасный и доблестный поступок или замысел государственного деятеля. Переделка сценария м-ра Годдарда в роман была для меня интересным опытом — и весьма поучительным. Эта работа по-новому осветила давно продуманные мною социологические обобщения, подвела под них новую основу и укрепила их. После этой попытки испробовать свои силы как писатель в новой для себя области я стал понимать душу народа в его массе глубже, чем понимал до сих пор, и осознал — полнее, чем когда либо, — каким высоким искусством жеста и мимики должен владеть демагог, привлекающий голоса избирателей на свою сторону благодаря своему умению играть на коллективной душе масс. Я буду очень удивлён, если эта книга не получит самого широкого распространения. («Изобразить удивление», — сказал бы м-р Годдард или: «Изобразить широкое распространение».)

Если в основе этой авантюры, именуемой «Сердца трёх», лежит сотрудничество, я восхищён идеей сотрудничества. Но только — увы! — боюсь, что такого коллегу, как м-р Годдард, можно встретить не чаще, чем одного на миллион. Мы ни разу не перебросились даже словом, у нас не было ни одного спора, ни единой дискуссии. Но в таком случае я, должно быть, и сам — не коллега, а мечта! Разве я не позволил ему — без единого намёка на жалобу или возражение — «изображать» всё, что ему заблагорассудится, на протяжении 15 эпизодов сценария, 1300 сцен и 31 000 футов плёнки, а затем 111 000 слов, составивших роман? И всё-таки теперь, когда я кончил сей труд, я очень был бы рад, если бы не начинал его, — по одной простой причине: мне хотелось бы самому прочесть книгу и посмотреть, как она читается. А меня это очень интересует. Очень.

ДЖЕК ЛОНДОН

Вайкики, Гавайские о-ва

23 марта 1916 года

Сердца трёх

Старая пиратская песня¹

КТО ГОТОВ СУДЬБУ И СЧАСТЬЕ
С БОЮ БРАТЬ СВОЕЙ РУКОЙ,
ВЫХОДИ КОРСАРОМ ВОЛЬНЫМ
НА ПРОСТОР ВОЛНЫ МОРСКОЙ!

Припев:

Ветер воет, море злится, —
Мы, корсары, не сдаём.
Мы — спина к спине — у мачты,
Против тысячи вдвоём!

НОЖ НА ПОМОЩЬ ПИСТОЛЕТУ —
СЛАВНЫЙ ВЫДАЛСЯ ДЕНЁК!
ПУШКА СЛОМИТ ИХ УПРЯМСТВО,
ПУТЬ РАСЧИСТИТ НАМ КЛИНОК.

Припев.

СЛАВЬ, КОРСАР, ПОПУТНЫЙ ВЕТЕР,
СЛАВЬ ДОБЫЧУ И ВИНО!
ЭЙ, МАТРОС, ПРОСИ ПОЩАДЫ,
КАПИТАН УБИТ ДАВНО!

Припев.

СЛАВЬ ЗАХВАЧЕННОЕ СУДНО,
ТЕМ, КТО СМЕЛ, СДАЛОСЬ ОНО.
МЫ БЕРЁМ ЛИШЬ ГРУЗ И ЖЕНЩИН,
ОСТАЛЬНОЕ ВСЁ — НА ДНО!

Джордж Стерлинг²

¹ Перевод В. Левика.

² Стерлинг Джордж (1869—1926) — американский писатель и поэт, близкий друг Лондона.

Глава первая

В это позднее весеннее утро события развивались очень быстро в жизни Френсиса Моргана. Если когда-нибудь человеку суждено было, переместившись во времени, стать участником жестокой кровавой драмы, а точнее — трагедии бесхитростных душ, и одновременно свидетелем средневековой мелодрамы, насыщенной сентиментальностью и бурными страстями, свойственными обитателям Латинского Нового Света, то этим человеком Судьба предназначила быть Френсису Моргану, и притом весьма скоро.

Однако сам Френсис Морган пребывал в ленивом неведении относительно того, что в мире что-то для него готовится, и едва ли был готов встретить надвигавшиеся события. Поздно засидевшись за бриджем, он поздно начинал свой день. За поздним пробуждением последовал поздний завтрак из фруктов и каши; покончив с ним, Френсис направился в библиотеку — строго, со вкусом обставленную комнату, откуда его отец в последние годы жизни руководил своими обширными и многообразными делами.

— Паркер, — обратился Френсис к камердинеру, который служил ещё его отцу, — ты не замечал признаков ожирения у Р. Г. М. в последние годы его жизни?

— О нет, сэр, — отвечал тот со всей почтительностью хорошо вышколенного слуги, но невольно бросая беглый оценивающий взгляд на великолепную фигуру молодого человека. — Ваш батюшка, сэр, всегда отличался стройностью. Фигура у него никогда не менялась; он был широкоплечий, с могучей грудью и хоть широковат в кости, но талия, сэр, у него была тонкая, всегда тонкая. Когда его обмыли, сэр, и положили на стол, многие молодые люди в нашем городе могли

бы устыдиться своей фигуры. Он всегда тщательно следил за собой, сэр, — я имею в виду все эти упражнения, которые он делал в постели, полчаса каждое утро. Ничто не могло заставить его отступить. Он называл это своим культом.

— Да, фигура у отца была редкостная, — рассеянно произнёс молодой человек, глядя на биржевой телеграф и несколько телефонных аппаратов, установленных ещё его отцом.

— Совершенно верно, — убеждённо подтвердил Паркер. — Ваш батюшка был строен, как аристократ, несмотря на широкую кость, могучие плечи и грудь. И вы это унаследовали, сэр; только вы ещё лучше.

Молодой Френсис Морган, унаследовавший от своего отца не только статную фигуру, но и немало миллионов, безмятежно развалился в широком кожаном кресле и вытянул ноги — совсем как могучий лев в клетке, не знающий, куда девать свои силы. Развернув утреннюю газету, он остановился взглядом на заголовке, извещавшем о новом оползне на Кьюлебрском участке Панамского канала.

— Хорошо, что мы, Морганы, не склонны к полноте, — позёвывая, произнёс он, — не то ведь я мог бы и растолстеть от такой жизни... Правда, Паркер?

Престарелый камердинер, не расслышав, смущённо посмотрел на своего хозяина.

— О да, сэр, — поспешно сказал он. — То есть я хочу сказать: нет, сэр. Вы сейчас в наилучшей форме.

— Ничего подобного, — убеждённо заявил молодой человек. — Я, может, и не разжирел, но, безусловно, пообмяк... А, Паркер?

— Да, сэр... То есть нет, сэр, — я хотел сказать: нет, сэр. Вы всё такой же, каким вернулись из колледжа три года назад.

— И решил, что безделье — моё призвание, — рассмеялся Френсис. — Паркер!

Паркер почтительно вытянулся. Однако хозяин его уже погрузился в глубокое раздумье, словно решая проблему первостепенной важности,

а рука его то и дело принималась теревить топорщившиеся маленькие усики, которые он с некоторых пор стал отращивать.

— Паркер, я намерен съездить на рыбную ловлю.

— Да, сэр.

— Я велел прислать несколько складных удочек. Пожалуйста, составь их и принеси сюда: я хочу их осмотреть. Мне думается, что уехать недельки на две куда-нибудь в лес — самое для меня полезное. Если я этого не сделаю, то, несомненно, начну толстеть и опозорю весь наш род. Ты ведь слышал про сэра Генри?¹ Старого оригинала сэра Генри, пирата и головореза?

— Да, сэр. Я читал о нём, сэр.

Паркер уже стоял в дверях и только ждал той минуты, когда словоохотливость молодого хозяина иссякнет, чтобы отправиться по его поручению.

— Да, гордиться тут нечем — подумаешь, старый пират!

— О нет, сэр, — запротестовал Паркер. — Он ведь был губернатором на Ямайке и умер в почёте.

— Счастье ещё, что его не повесили, — расхохотался Френсис. — В сущности, только он один и позорит наш род, который сам же основал. Но я вот что хотел сказать: я очень тщательно просмотрел всё, что его касается. Он весьма заботился о своей фигуре и, слава богу, до самой смерти сохранил тонкую талию. В этом отношении он оставил нам хорошее наследство. А вот сокровища его мы, Морганы, так и не нашли; впрочем, тонкая талия, которую он нам завещал, дороже всех рубинов. Родовая черта — говоря языком биологов, которому научили меня профессора.

¹ Сэр Генри — известный английский пират Генри Морган (1635—1688), действовавший в XVII веке в Карибском море, прибрежных районах Центральной и Южной Америки, которые в то время принадлежали Испании. Со временем Морган поступил на английскую королевскую службу и занял важный административный пост на острове Ямайка, где располагались опорные пункты британского флота.

Наступила долгожданная пауза, и Паркер осторожно выскользнул из комнаты, а Френсис Морган погрузился в изучение газетной статьи о Панаме, из которой он выяснил, что канал будет открыт для судоходства, по-видимому, не раньше, чем через три недели.

Зазвонил телефон, и с помощью электрических нервов современной высокой цивилизации Судьба сделала первую попытку протянуть свои щупальца и добраться до Френсиса Моргана, который сидел в эту минуту в библиотеке особняка, выстроенного его отцом на Риверсайд-драйв.

— Но, дорогая миссис Каррузерс, — запротестовал он в трубку, — что бы там ни было, это просто временный ажиотаж. «Тэмпико петролеум» в полном порядке. Это не спекулятивные бумаги, а вполне надёжное помещение капитала. Держите их. Держите крепко... Всё дело, наверное, в том, что какой-нибудь фермер из Миннесоты приехал в Нью-Йорк и решил купить пакета два акций просто потому, что они кажутся ему солидными, а так оно и есть... Ну и что тут такого, что они поднялись на два пункта? Всё равно не продавайте. «Тэмпико петролеум» — это вам не лотерея и не рулетка. Это крепкое промышленное предприятие. Мне бы, например, очень хотелось, чтобы оно было не таким грандиозным, — я бы тогда мог финансировать его один... Да нет, выслушайте меня: совсем это не мыльный пузырь! Мы сейчас одних цистерн заказали больше чем на миллион долларов. Наша железная дорога и три нефтепровода стоят свыше пяти миллионов. Да одни только действующие нефтескважины дадут нам нефти на сто миллионов долларов, так что сейчас главная наша задача — доставить её к морю на танкеры. Теперь самое время для вложения капитала. Пройдёт год-другой, и государственные бумаги по сравнению с вашими акциями покажутся сущей чепухой...

...Да-да, пожалуйста. Не обращайтесь внимания на биржевой рынок. И потом — я вовсе не советовал вам приобретать эти акции. Я никогда не давал своим друзьям таких советов. Но уж раз вы приобрели эти акции, то держитесь за них. «Тэмпико» такое же солидное предприятие,

как Английский банк... Да, мы с Дикки поделили вчера вечером трофеи. Подобралась великолепная компания. Хотя Дикки, надо сказать, чересчур горяч для бриджа... Да, везло, как игроку на бирже... Ха-ха! Я горяч? Ха-ха!.. Да?.. Скажите Гарри, что я отбываю недели на две... Поеду форель удить... Весна, знаете ли, ручейки журчат, на деревьях сок выступил, распускаются почки, зацветают цветы и тому подобное... Да, всего наилучшего. И держитесь обеими руками за «Тэмпико петролеум». Если они немножко упадут, после того как этот миннесотский фермер кончит играть на повышение, прикупите ещё. Я тоже собираюсь так сделать. Это всё равно что найти деньги... Да... Да, конечно... Слишком это крепкие бумаги, чтобы вот так — ни с того ни с сего — взять и продать их: ведь они, может, никогда больше не понизятся... Ну конечно, я знаю, что говорю. Я проспал сегодня восемь часов и ещё не выпил ни капли... Да, да... До свидания.

Не поднимаясь с кресла, Френсис потянул к себе ленту от соединённого с биржей аппарата и лениво пробежал её глазами: то, что в ней сообщалось, не вызвало у него особого интереса.

Вернулся Паркер, неся несколько тоненьких удочек; каждая из них по своей полировке и отделке была вершиной искусства и мастерства. Френсис мигом вскочил с кресла, отбросил в сторону телеграфную ленту, про которую тут же забыл, и, точно мальчишка, с радостью и восторгом принялся осматривать игрушки и пробовать их одну за другой: он то взмахивал удочками так, что леска со свистом, похожим на удар хлыста, разрезала воздух, то осторожно, рассчитанным движением, закидывал её под высокий потолок, как если бы там, на другом конце комнаты, находился невидимый пруд, в котором таинственно поблёскивала форель.

Зазвонил телефон. Лицо Френсиса перекосилось от раздражения.

— Ради бога, поговори ты, Паркер, — приказал он. — Если это опять какая-нибудь дура, играющая на бирже, скажи, что я умер, или пьян, или лежу в тифу, или женюсь, — словом, придумай что-нибудь пострашнее.

После непродолжительных переговоров, проведённых в спокойном вежливом тоне, так подходившем к величественному стилю этой холодной, чинной комнаты, Паркер произнёс в трубку: «Одну минуту, сэр» — и, прикрыв её рукой, сказал:

— Это мистер Бэском, сэр. Он просит вас.

— Скажи мистеру Бэскому, чтобы он убирался к чёрту, — отозвался Френсис, замахнувшись так, будто хотел невесть куда забросить удочку; и в самом деле, опиши леска кривую, начертанную его зачарованным взглядом, она вылетела бы в окно и, по всей вероятности, до смерти перепугала бы садовника, который, стоя на коленях, пересаживал розовый куст.

— Мистер Бэском говорит, что это насчёт положения на бирже, сэр, и что он задержит вас не более пяти минут, — настаивал Паркер, но так деликатно и мягко, словно передавал какое-то совсем несущественное, пустяковое поручение.

— Хорошо, — Френсис осторожно прислонил удочку к столу и взял трубку. — Алло, — сказал он в аппарат. — Да, это я, Морган. Ну, вайте. Что там такое?

Он с минуту послушал, потом раздражённо перебил говорившего:

— Продавать? Чёрта с два! Ни в коем случае... Конечно, я рад это слышать. Но даже если акции поднимутся на десять пунктов — чего, конечно, не случится, — всё равно держите их. Весьма возможно, что это закономерное повышение и они уже больше не упадут. Эти акции — штука солидная. Они стоят куда больше, чем котируются. Вообще этого могут и не знать, но я-то знаю. Через год они до двухсот дойдут — конечно, если в Мексике прекратятся эти вечные революции... А вот если акции упадут, вы получите от меня приказ покупать... Ерунда. Кто это хочет приобрести контрольный пакет? Да нет же, это чисто спорадическое явление... Что? Прошу прощения. Я хотел сказать: чисто временное. Так вот что: я уезжаю недели на две удить рыбу. Если акции упадут на пять пунктов — покупайте. Покупайте всё,

что будут предлагать. М-да, когда у человека на руках солидное предприятие и начинается игра на повышение его акций, это почти так же опасно, как игра на понижение... Да... Конечно... Да... До свидания.

Френсис с восторгом снова занялся своими удочками, а тем временем на другом конце города в кабинете Томаса Ригана уже неутомимо трудилась Судьба. Томас Риган отдал своей армии маклеров приказ скупать акции «Тэмпико петролеум», пустил через посредство многообразных каналов таинственный слушок, будто у «Тэмпико петролеум» какие-то осложнения с мексиканским правительством по поводу концессии, и погрузился в чтение отчёта своего эксперта по нефти, который целых два месяца провёл на месте, выясняя подлинные перспективы и возможности этой компании.

Вошёл клерк, подал визитную карточку и доложил, что какой-то иностранец просит принять его. Риган взглянул на карточку.

— Передайте этому мистеру, сеньору Альваресу Торресу, — сказал он, — что я не могу его принять.

Через пять минут клерк вернулся с той же карточкой, но теперь на обратной её стороне было что-то нацарапано карандашом. Риган так и расплылся в улыбке, прочитав:

Дорогой и многоуважаемый мистер Риган. Имею честь сообщить Вам, сэр, что мне известно местонахождение клада, который, ещё в бытность свою пиратом, спрятал сэр Генри Морган.

Альварес Торрес

Риган покачал головой; клерк был уже у двери, когда хозяин вдруг окликнул его:

— Пусть войдёт, немедленно.

Оставшись один, Риган беззвучно рассмеялся, обмозговывая пришедшую ему в голову идею.